

ходимые числа суть тоже некая общая и абсолютная неразличимость и самотождество. И вот это-то и есть числовой перво-принцип. Это и значит, что число есть *чистый*, т. е. в себе неразличимый, абсолютно простой, акт смыслового полагания.

Скажут: но ведь это же не есть число; число есть раздельность, а вы утверждаете полную неразличимость. На это надо сказать, что мы нисколько не утверждаем, что число есть эта абсолютная неразличимость. Абсолютная неразличимость и самотождество есть не самое число, но *перво-принцип* числа, и аксиома об абсолютном числовом *само-тождестве* не есть суждение о самих математических числах, но лишь то первое и исходное положение, на котором будут базироваться и конкретно-математические суждения. Естественно, что база чем-то специфически отличается от того, что на этой базе построено. Мало того. Мысль требует, чтобы эта неразличимость как раз и была принципом различимости, и это мы сейчас разьясим.

§ 37. Неразличимость как принцип различимости.

Каждая вещь есть данная вещь именно потому, что она не есть что-нибудь иное. Это утверждение на первый взгляд кажется шуткой и тавтологией. Однако тут высказывается фундаментальное положение философии, без признания которого невозможно и прикоснуться ни к какой теории определения. Если вещь есть нечто отличное от иного и, следовательно, есть она сама, то это возможно только тогда, когда *мы внутри нее не фиксируем ровно никаких различий*. Вещь есть именно она сама: в этом простейшем и очевиднейшем утверждении с абсолютной необходимостью требуется, чтобы она мыслилась *вне всяких своих частей*. Это делается до полной осязательности ясным, если мы начнем рассуждать со стороны этих самых «частей».

Пусть данная вещь состоит из пяти частей. Если мы будем фиксировать каждую часть отдельно, целой вещи мы никак не получим. В этом дереве, которое я сейчас вижу в своем окне, отдельный лист не есть дерево, потому что тогда был бы деревом и всякий отдельный лист, который валяется на земле, и вместо видимого мною в окне одного, и единственного, дерева было бы столько же деревьев, сколько я вижу на нем листьев. Ствол дерева тоже не есть дерево, потому [что] тогда бревна, лежащие

тут же на дворе, тоже были бы деревьями. Корень дерева тоже не есть дерево, ветки дерева тоже не есть дерево. И т. д. и т. д. Спрашивается: где же само-то дерево? Совершенно очевидно, что из отдельных частей дерева нельзя получить самого дерева. Но отдельные части дерева есть то, что в нем *различно*. Значит, из различимой стороны дерева нельзя получить самого дерева. *Само* дерево есть *неразличимость*, абсолютно самотождество. Только это и дает возможность выделить дерево именно как дерево на фоне всего двора, которое я вижу в своем окне. Не будь этой неразличимости внутри дерева, я не мог бы фиксировать дерево как дерево, оно распалось бы на тысячи частей, которые сами не суть дерево, и я совсем не отличил бы дерева от всего прочего. Ясно, что неразличимость дерева оказалась необходимым принципом для его различения на фоне прочих предметов и, следовательно, необходимым принципом и для всяких различий внутри него самого. Внутренняя неразличимость вещи есть условие для ее внутренней различимости и реальности.

Все это относится и к числу. Одна единица не есть число «одиннадцать»; другая единица тоже не есть число «одиннадцать»; третья единица — то же самое. Спрашивается: откуда же получилось само-то число «одиннадцать»? Конечно, всякому известно, что практически «одиннадцать» получилось из одиннадцати единиц. И если что смешно и тавтологично, если что действительно глупо, так это именно утверждение, что вещь состоит из своих частей, а число «одиннадцать» состоит из одиннадцати единиц. Эта беспомощная и бессильная тавтология ровно ничего нам не говорит. «Одиннадцать» есть совершенно отдельная, самостоятельная индивидуальность, *не делящаяся на одиннадцать частей*. Единицы, «входящие» в число «одиннадцать», *даже не суть и части числа «одиннадцать»*. «Одиннадцать» ровно никаких частей в себе не содержит и ни на что не делимо, ни из чего не составляемо. Оно внутри неразлично, нерасчленимо. *Неразличимость есть принцип его различимости*. Конечно, не забудем: «одиннадцать» не есть просто неразличимость, а нужно только сказать, что неразличимость есть его *перво-принцип*, не оно само в его реальной структуре и не его принцип, но именно его *перво-принцип*. И потому либо есть такой перво-принцип и внутренняя сверх-раз-

личимость, неразличимость числа «одиннадцать», супра-акт «одиннадцати»,— тогда есть и «одиннадцать» как именно одиннадцатисложная структура; либо нет никакого перво-принципа,— тогда нет и числа «одиннадцать», а есть только отдельные единицы. Впрочем, и отдельных единиц тоже не получится, потому что каждая единица тоже должна быть некоторой самостоятельной неразличимостью; и если неразличимости нет в «одиннадцати», то ее не будет и в «единице»; «единица» тоже распадается еще на более мелкие части, как распалось «одиннадцать» на отдельные части, а эти части будут распадаться еще дальше. И так до бесконечности мы все будем гнаться за числом и нигде его не найдем, а получим вместо ясной и прозрачной едино-раздельной и разумной структуры числа полную иррациональную тьму и хаос, абсолютное безумие и пустоту, в которой уже действительно не найдешь ничего различного и в которой потонет все ясное, все стройное, все разумное и исчезнет все человеческое.

Так, по неизбежной диалектической необходимости абсолютная неразличимость есть принцип и основание различимости, а внутри-раздельное и различимое число требует абсолютной неразличимости как своего перво-принципа.

§ 38. Неразличимость как принцип конкретной числовой индивидуальности.

Стоит всячески подчеркивать момент, который мы уже затронули бегло в предыдущем параграфе. Именно, аксиома перво-принципа обеспечивает нам понимание числа как своеобразной и ни на что другое не сводимой *индивидуальности*. Мы все время говорим, что неразличимость числа есть условие его различимости. Но сейчас эту мысль необходимо заострить в том направлении, что всякое различие есть ведь порождение одного в отличие от другого, что возможно только тогда, когда это «одно» имеет какое-то свое собственное свойство, которого нет ни в чем ином, ибо иначе одно и не отличалось бы ни от чего прочего. Следовательно, неразличимость есть принцип *живой индивидуальности* числа, принцип числа как *существа*, как живого организма, имеющего свой *лик*, свою физиономию, свою *личность*. Неразличимость есть диалектический принцип числа как самостоятельной личности. Число есть личность. И эта числовая личность, числовое